

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОКТАБРЬ 2017 г. • № 10 (252) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Пётр КРАСНОВ

“ЛИМИТЫ” РЕВОЛЮЦИИ

Какое право имеем мы (мозг страны) нашим дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ? Нервы расстроены. Нет, я не удивлюсь ещё раз, если нас пережует, во имя ПОРЯДКА.

Из дневника Александра Блока от 19 июня 1917 года

К столетию Октябрьской революции

В связи с наступающим столетием Великой революции в стране у нас опять взялось некое “брожение умов”, весьма разноречивое и довольно бестолковое уже тем, что сталкиваются здесь большей частью именно крайние и потому порой примитивные до вздорности мнения и взгляды. И попытки объективного, взвешенного суждения о ней встречаются крайними с обоих флангов “в штyki”. Помимо симптоматичной незрелости многих “умов”, объяснимой зачастую элементарным незнанием истории тех лет, а вдобавок и сбитых с панталыку тридцатилетней уже промывкой их бесстыдной официальной пропагандой российской (“российской”) — рука не подымается написать), с одной стороны, это вызвано, с другой, и народным возмущением, сопротивлением социальному и нравственному беспределу правящей олигархии. И известное отношение к этому событию, имевшему огромное геополитическое значение в судьбах мира, никак не выгодно прежде всего именно этой кучке беспринципных и продажных дельцов с их трёх-пятипроцентной от всего населения прикоморенной обслугой, захвативших власть в нашей стране и до сих пор готовых, вопреки даже инстинкту самосохранения, сдать её Западу на окончательное колониальное, по сути, разорение и грабёж.

Потому-то и препятствуют всячески разумному осмыслению прошлого, потому и содержат армию всяческих сванидзей, венедиктовых, радиоактивных “дождей”, клеветниково-киношников, да и всю предельно охамевшую псевдокультуру, взращенную ими на антисоветичные и русо-ненавистничество.

Революция же, как известно, прошла два этапа, на первом — типичном буржуазном в феврале-марте семнадцатого — состоялась при явном содействии англо-французских “союзников” ликвидация самодержавия, и обвинять большевиков в “свержении царя” не приходится. Черчилль тогда более чем удовлетворённо приехал, что в войне (Первой мировой) достигнута главная цель: уничтожены четыре монархии — германская, австро-венгерская, османская и, едва ли не в первую очередь, российская... На втором, пролетарском в октябре, военным переворотом было отстранено от управления страной нигде не годное, как и царское, Временное правительство, за какие-то полгодаค่อนข้างно развалившее всё что могло: армию, промышленность и сельское хозяйство, снабжение, депо-производство даже... Большевики, можно сказать, “подняли с земли” брошенную, для них неожиданно-негаданную всего лишь год назад власть.

И в большинстве губерний в первые месяцы власть Советов (а какой-либо другой практически ведь и не было) устанавливалась относительно мирным путём, а значит, была некая, пусть и небольшая, историческая возможность обойтись при этом “малой кровью”. Если попытаться с высоты нашего времени и опыта прямо взглянуть на суть “белой идеи”, то она в главной своей основе заключалась в возврате прежних в том или ином виде (но не царских, царь уже “выбыл из игры”) порядков и, конечно, собственности.

Но надеяться на это при том всеохватном и глубоком государственном кризисе, меж тем как народ в массе своей этого уже не хотел, была столь же недалёким и бесперспективным, как сейчас на возврат Советского Союза. Этим, в сущности, и объясняется объективная слабость белого движения и, скажем так, неохотная поддержка его со стороны населения, да и то лишь некоторой его части, что сплошь проявилось в ходе Гражданской войны.

И если бы не обложившая все стороны света интервенция — в который раз! — “двунадесяти языков” (даже вчерашние враги, немцы с турками, в этой агрессии фактически объединились с Антантой, даже японцы) и не масштабные всеьма, можно сказать — решающие поставки извне средств ведения войны белым армиям, то открытие гражданское противостояние в России могло бы довольно скоро загаснуть, не ожесточив настолько противоборствующей стороны, не принеся столько человеческих жертв и разрушений. Современный вдумчивый историк пишет: “...наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за независимость России — войной против интервенции Запада” (С.Кара-Мурза. *Гражданская война в России*). И тут просто нельзя не видеть, что белое движение объективно и напрямую работало на достижение главнейшей многовековой цели Запада — расчленение России сначала на оккупационные зоны, а следом, само собой, на лимитрофы, “страны СНГ”, где никакой нынешней Эрэфией уже бы, как говорится, и не пахло.

Наивно думать, что официально (и тайно) поступивший на службу британской короне Колчак, с явнейшим прищелком намеренно провозглашённый “Верховным правителем России”, известный германofil атаман Краснов, Деникин, подопечный французоз Врангеля воспротивились бы воле хозяев. Мы и сейчас видим, как умеют они управлять попавшими к ним в зависимость “подопечными”, да хоть по той же Украине; и с Россией как единой страной уже тогда было бы покончено.

Как бы теперь ни относиться к большевикам, но это именно они спасли единство и суверенитет страны. Обвинять их в зверствах гражданской Смуты можно и нужно в той же мере, как и противников их, учитывая при этом многовековое угнетение и унижение низовых народных масс. А это фактор объективный, заложенный в потемстленной памяти десятков поколений, и проявляется он в любом народном волнении, бунте, тем более в революции — вместе со стремлением к справедливости, к свободе и социальному равенству.

С другой же противоборствующей стороны, повторюсь, движущей силой являлось преимущественно стремление к возврату материальных и всякого рода иных социально-политических привилегий (а также то, что С.Кара-Мурза назвал “социальным расизмом” дворянства), и жестокость белой гвардии имела свой специфический характер... Что здесь выше или ниже в ценностном, в том числе моральном, этическом отношении — оставляю судить читателям.

Конечно же, революция, Гражданская война и последовавшие за ними пересоздание государства и общества принесли неисчислимые страдания народу, по-иному в таких социальных катаклизмах и быть не может. Неизбежны были в том ожесточении и огромные потери в нравственном измерении, особенно же в отношении нашей Православной веры, поскольку духовенство, клир не без основания воспринимались в революционных массах как часть свергнутого правящего класса, а новая государственная идеология нуждалась в незамедлительном переформатировании сознания этих самых масс. И официальная Церковь, в числе первых, кстати, сдавшая революции “пома-

зника Божия”, именно тогда воспрянула духом в испытанном недоверием тысяч и тысяч исповедников, как бы подготовив тем сегодняшнее возрождение её; но это уже тема отдельного рассматривания. Отнюдь не сравнимая, можно лишь сказать, что у Советской власти своих героических исповедников было не меньше.

Вообще же, все большие, исторически значимые революции (в отличие от “цветных”, так или иначе инспирированных извне) — события во многом закономерные, обусловленные объективными социальными, экономическими и прочими причинами, и искать в них особо зловередные силы и персоналии значило бы уходить от поиска истинных и весьма многосложных побудительных мотиваций этого, вдобавок, длительного процесса. В ходе уже развязанной Первой мировой войны революционер Ленин (впечатлившийся, вероятно, высоким на первых порах патриотическим подъёмом верхних сословий российского общества — пустым, как потом оказалось; для крестьянства же мобилизация 14 миллионов мужчин стала настоящим бедствием) выразил вполне определённый пессимизм в возможности революции в ближайшие десятилетия... Но как политэконом в своей работе 1899 года “Развитие капитализма в России” он был куда ближе к определению её сроков, описывая кризисное и неустойчивое экономическое и социальное состояние страны, острейшие противоречия в её социуме; и востание 1905 года сплошн подтвердило это.

Сегодня немало-таки развелось “ревнителей”-мажоров последнего царя и той “Другой России”, уже ядовито прозванных “хрустобулочниками” (“и хруст французской булки”, “гимназистки румяные” и т.п.), представляющих жизнь страны начала XX века едва ли не идеальной, на самом, дескать, подъёме. И официозная либеральная пропаганда нынешняя им всячески и усердно в том подыгрывает, расписывая все блага российского капитализма. Сыграла тут свою роль, несомненно, и эмоционально сильная ностальгическая литература первой волны русской эмиграции о “потерянном рае”, об утраченных возможностях и привилегиях образованного класса. Заглянуть в документальные исторические, экономические, статистические и прочие первоисточники им, “хрустобулочникам”, как-то всё недосуг, да и, наверное, своеобразная ретро-мечта своя им куда дороже правды. Характерной же их чертой является вольная или невольная подмена-перемена местами причин со следствиями, причём эти самые следствия предъявляются как обвинительный вердикт никак не соразмерным, якобы, вызвавшим их причинам: почему Россию потеряли, мол, — и из-за чего и кого? Из-за каких-то, дескать, злодеев и преступников — ну и т.п.

Между тем, крестьянство страны, составлявшее более 85% населения, уже в начале XX века пережило семь (!) массовых голодов, из них, по докладу Столыпина, в 1911 году “голодало 32 миллиона, потери 1 миллион 613 тысяч человек”, а вдобавок около 100 тысяч умерло от холеры... (Где вы, “ревнители”, неужто забыли про “слезу ребёнка”?) И это в мирное время, в пору всехваляемого “расцвета Империи” — почему, спросить? Статистика тут бесспорна: 31,6% крестьянских дворов были безлошадными, а это означало их крайнюю нищету. Ещё 32,1% дворов имели по одной лошади (много ли с ней напашешь?) и, как правило, даже в урожайные годы не могли дожить до нового хлеба, пробавляясь тоже лебедой, толчёной корой и прочими “дарами природы”, — а это ведь, считай, половина населения России!..

Что было хорошо поставлено, так это “царская подражёвка”, мало в чём уступавшая по своей жестокости позднейшей революционной: виду финансового закабаления страны и провального внешнеэкономического баланса (всё, особенно хлеб и прочее продовольствие, гналось за границу) недоимки и долги взымались с крестьян и выгребались из их карманов неуосчитительно, и массовое их разорение создало огромную пятимиллионную армию наёмных сельхозрабочих, батраков — всегда готовых поддержать любой бунт, жёбч ненавистные барские усадьбы и в девяност летом, и в семнадцатом году. И жгли, только в 1905-1907 годах “красный петух” посетил 16 тысяч помещичьих усадеб — шестую часть всех имеющихся, и как это можно называть, если не “крестьянской войной”?..

Академик Тарханов в статье “Нужды народного питания” тогда же подсчитал в сопоставимых цифрах-ценах, что русский крестьянин потреблял растительной пищи в 2-4 раза, а животной в 4-6 раз меньше, чем европейские или американские селяне, тоже тогда жившие несладко (скорее всего, эти соотношения и сейчас остаются на том же уровне...). Дело тогда дошло до того, что число негодных от недокорма по физическим данным рекрутов удвоилось за десятилетие с 6% до 13%, пишет А.Д. Нечеловодов (данные из его книги “От разорения к достатку”, изданной в 1906 году, я тоже использую здесь).

Пожоже, что Беловежская пушча, в которой трое общепризнанных иуд в 1991 году расчленили историческую Россию, явно играет у нас некую мистическую роль. Именно в ней почти за век перед тем в августе 1897 года другой иуда (а был им министр финансов Империи, а по совместительству рыньный агент-ставленник западных банкирских домов Витте) подсунил на подпись императору, там охотившемуся, Именной Указ о введении золотого валютного рубля, и тот подмахнул его. Подмахнул без рассмотрения его на Государственном Совете — вопреки своему же предыдущему Указу о непременном рассмотрении и обсуждении этого крайне проблемного, как оказалось потом — губительнейшего нововведения... Как раз в эти годы международная ростовщическая мафия провоцировала мирового масштаба афёру по втягиванию в “золотую кабалу” всех ведущих держав Европы и Америки, и Россия здесь была лишь частью их изуверского заговора.

С этого момента Николай Второй окончательно обрёк страну на безвылазную финансовую кабалу у западных банкиров, в зависимость полную от их кредитов, вдобавок сразу увеличив в полтора раза государственный долг демонетизацией, выводом из денежного оборота серебра (хотя и раньше Империя “сидела” на займах)... Страна, потерявшая финансовую независимость, не может считаться суверенной и во всех других своих сферах деятельности; и без учёта этих весьма отягчающих обстоятельств нельзя верно судить о всех последовавших событиях.

А они разворачивались, в масштабе историческом, стремительно. Две совершенно ненужных, всячески противоположных России и позорных войны довели до внутреннего разгрома государства, ответно вызвав две революции. Особую роль тут сыграла, конечно же, Первая мировая, в какую западные зимодоавцы искусно втянули царское правительство воевать за их, союзников Антанты, интересы, своих фактически не имея (разве что второстепенные, вроде символического “влияния на Балканах”) и неся на себе главную тяжесть войны.

Английский историк В.В. Готтлиб, объективно разбираясь в хитросплетениях той политики, однажды в досаде за Россию не выдерживает серьёзного тона, роняет: "...это было очень похоже на то, как заманивают осла, подвешивая морковку перед его носом...”.

(окончание на стр. 4)

Октябрь 1917 года

Из доклада на IV Селезнёвских чтениях

Но все они опутаны всерьёз
Какой-то общей нервеною системой...
Н.М. Рубцов

Хотелось бы поговорить сегодня о Юрии Ивановиче Селезнёве. О Селезнёве как явлении русской жизни, русского национального самосознания и даже точнее — русского национального самостояния (именно в том смысле, который вкладывал в это слово Аполлон Григорьев).

Потому что вопрос национального самостояния был решающим в годы очередной русской смуты, вызванной революцией 1991-93 гг.

И если мы выстояли (а сегодня очевидно, что мы выстояли), то во многом благодаря тому, что с нами в эти годы были Василий Белов и Юрий Кузнецов, Валентин Распутин и Вадим Кожин, Георгий Свиридов и Илья Глазунов, бла-

"Степан Трофимович Верховенский — отец Петра Верховенского — считает, правда, будто всегда знал русский народ, "как свои два пальца". Степан Трофимович замыслен как тип идеального западника. Он честен, мягок по натуре, начитан, образован, он — русский по своим корням и симпатиям, но, в сущности, слишком далек от подлинных нужд России. Чуть не всю жизнь прожил из содержания богатой генеральши Ставрогинной, и, будучи невиннейшим из всех 50-летних младенцев, он ужаснулся всей этой развернувшейся на его глазах и при его участии бесовской мистерии...”

Вот откуда появляется “революционный бесенок” Петруша Верховенский, с которого можно смело рисовать портреты будущих демонов и фурий революции: Троцкого, Белы Куна, Розалии Землячки. Взрастил-то его — “невиннейший, как младенец”, русский либе-

Сто лет мести

Алексей ШОРОХОВ

женной памяти митрополит Санкт-Петербургский Иоанн и воин-мученик Евгений Родионов. В 90-е годы уже из вечно-сти протянули нам руку помощи Юрий Селезнёв и Николай Рубцов, Михаил Бахтин и Михаил Шолохов, Алексей Лосев и Павел Корин, Сергей Есенин и Сергей Рахманинов. А за ними в полный рост возвышались и возвышаются, уходящие в бесконечность, фигуры Достоевского и Тютчева, Пушкина и Державина, Ломоносова и митрополита Иллариона, автора первого произведения в русской литературе — “Слова о Законе и Благодати”...

И каждый из них, кто пророчески и на века (как Пушкин и Достоевский), кто прикровенно и инсказательно (как Селезнёв или Лосев), а кто и открыто и яростно, когда стало уже возможно (как Белов и Кузнецов), обличали главное зло русской общественной жизни последних трёх столетий — либерализм. И его отвратительнейшее смысловое ядро — русофобия! То есть боязнь русского, незнание русского, ненависть и презрение ко всему русскому.

Сравните:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вестки,
Когда полки бежали вскачь
И гибло знамя нашей чести.

Это Пушкин обращается к российскому либералу. А вот уже у Достоевского:

“Ну, так факт мой состоит в том, что русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все”.

Не правда ли — звучит современнейше? И сколько мы подобного переслушали в 90-е и 2000-е годы, да и сейчас продолжаем слышать!

Главное, мне хотелось бы обратить внимание на очевидную преимственность, я бы даже сказал семейственность этой либеральной русофобии, вне зависимости от того, под какими знамёнами она выступает: красными, белыми или голубыми.

И поможет в этом (как он помог очень многим думающим русским людям в 80-е годы минувшего века) Юрий Иванович Селезнёв.

Мы отмечаем канун столетия Октябрьской революции 1917 года. Поклонники такого хода событий называют её “великой” и “социалистической”, противники — большевистским переворотом и узурпацией власти.

Я думаю, что Октябрь 1917-го и в самом деле является революцией (в отличие от Февраля), потому что именно после Октября 1917 года стала неизбежной полная смена общественно-политического строя в России и экономической модели с главным вопросом — вопросом о собственности. В феврале произошло только свержение самодержавной монархии, из чего не следовал отказ от монархии вообще (форму правления должно было определить всесословное Учредительное собрание). Но не отмени сословий, ни сны форм собственности после либерального торжества в феврале 1917 года не последовало. Поэтому революцией в классическом смысле этого слова стал именно Октябрь.

Тем не менее, вряд ли кто усомнится, что Февраль 1917 года в качестве апогея российского либерализма состоит в том же отношении к Октябрю 1917 как отец к родному сыну. Да, пораженному “деянциями” сына, даже потрясённом. Но вырастил-то его именно он.

Здесь нельзя избежать одной блистательной художественной аналогии, увидевшей свет чуть ли не за полвека до рассматриваемых событий. А именно — описанной в романе “Бесы” Ф.М. Достоевского. Об этом рассказывает Юрий Иванович Селезнёв в своей знаменитой ЖЗЛ-овской книге “Достоевский”:

Что мне нравится в украинских СМИ — так эта их показательная, последовательная, честная шизофрения. Они не уважают себя, не уважают своих читателей, и даже не собираются этого скрывать.

В зазеркалье всё можно

Вот, скажем, очередная, разгоняемая по десяткам (!) их агентств, новость. Цитата:

“Выгнанный из Донецка литературный “боевик” и по совместительству советник главы “ДНР” Захар Прилепин заявил, что знает людей, которые ликвидировали комбаты террористов Арсения Павлова и Михаила Толстых.”

Ранее в Сети вспылл полный список “банды” Прилепина на Донбассе, а сам террорист похвастался фото семьи на фоне разрушенного Донецка...”.

Внимание, вопрос! Каким образом “боевик” Захар Прилепин “выгнан” из Донецка, если вы сами, бодрые кретины:

а) цитируете интервью “боевика” Захара Прилепина, данное на переводной в ДНР;

б) сами пишете, что “террорист” фотографируется с семьёй и главой ДНР в Донецке;

б) сами говорите, что в Сети “вспылл” полный список “банды” Прилепина, где значится сам Прилепин?

Как у вас всё обстояло с этими вопросами? Может, им нравится, что одни бодрые кретины держат их за других, вялых кретинов?

При этом у каждого из названных мною пунктов есть ещё подпункты.

В одних и тех же новостях украинские “СМИ” могут написать, что я фотографируюсь с захваченными в плен донецкими детьми, но тут же написать, что я фотографируюсь со своей семьёй.

А что? Гений — парадоксов друг. Или, другой пример, они пишут, что в батальоне, верней, “банде” Прилепина всего 60 человек — и тут же сливают штатку батальона, где значится 200 человек.

И по фигу!

В зазеркалье всё можно...

Захар ПРИЛЕПИН

Люди Захарченко “разобрались” с “убийцами” Гиви и Моторолы — изгнанный из “ДНР” Прилепин сделал заявление

10 октября 2017, 13:57 — Украина

7 7891

Выгнанный из Донецка литературный “боевик” и по совместительству советник главы “ДНР” Захар Прилепин заявил, что “поименно” знает людей, которые ликвидировали комбаты террористов Арсения Павлова и Михаила Толстых.